

*Этюд
в багровых тонах*

ЧАСТЬ I

*(Из воспоминаний доктора медицины Джона Х. Ватсона,
бывшего хирурга Военно-медицинского управления)*

Глава I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Получив в 1878 году в Лондонском университете диплом доктора медицины, я прошел затем в госпитале Нетли подготовку к службе армейским хирургом. По завершении курса меня, в звании помощника хирурга, записали в Пятый нортамберлендский стрелковый полк. В ту пору полк находился в Индии, и, прежде чем я успел туда добраться, началась Вторая афганская война. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой корпус преодолел горную местность и значительно углубился во вражескую территорию. Однако я, вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в таком же положении, сумел благополучно добраться до Кандагара, где нагнал свой полк и приступил к новым обязанностям.

Афганская кампания принесла многим ее участникам славу и чины, на мою же долю выпали одни злосчастья. Из моей бригады меня перевели к беркширцам, с ними я участвовал в роковом сражении при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из джезайла, которая раздробила кость и задела подключичную артерию. Я попал бы в руки кровожадных гази, если бы не преданность и мужество моего

ординарца Марри: он погрузил меня на выючную лошадь и благополучно доставил в расположение нашей пехоты.

Страдающего от раны и изнуренного долгими невзгодами, меня, вместе со многими другими бедолагами, перевезли в главный госпиталь в Пешаваре. Там я окреп, мог уже ходить по палате и даже нежиться на веранде, но вскоре подхватил брюшной тиф — истинное проклятье наших индийских владений. Несколько месяцев моя жизнь висела на волоске, а когда я наконец пришел в себя и начал поправляться, медицинский консилиум, ввиду слабости и истощенности пациента, определил, что его надлежит немедленно отослать обратно в Англию. Так я взошел на борт войскового транспорта «Оронтес» и месяцем позднее высадился на причале Портсмута. Здоровье мое оказалось безвозвратно расстроено, однако благодаря отеческой заботе властей мне было дано девять месяцев, чтобы его поправить.

Не имея в Англии ни единой родной души, я оказался свободен как воздух — точнее, свободен в меру своего дохода, составлявшего одиннадцать шиллингов шесть пенсов в день. В таких обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон — великую клоаку, что принимает неостановимые потоки бездельников и дармоедов из всей Империи. Некоторое время я жил в частной гостинице на Стрэнде, ведя бессмысленное, безрадостное существование и тратя больше денег, чем мог себе позволить. С финансами стало так туго, что вскоре я понял: надо либо покинуть столицу и обосноваться где-нибудь в провинции, либо полностью поменять

свой образ жизни. Выбрав второй вариант, я задумался о том, чтобы вместо гостиницы избрать себе жилище скромнее и дешевле.

В тот самый день, когда созрело это решение, я заглянул в бар «Крайтерион». Кто-то похлопал меня по плечу, и я, обернувшись, узнал молодого Стэмфорда, моего прежнего ассистента из «Бартса». Когда ты один-одинешенек, что может быть приятней, чем встретить в огромной пустыне, зовущейся Лондон, знакомое приветливое лицо? В старые времена мы никогда не были особо близки, но сейчас я тепло его приветствовал, а он, похоже, был искренне рад меня видеть. От избытка чувств я пригласил его на ланч в «Холборне», мы взяли хэнсом и отправились туда.

— Как вы жили-поживали все это время, Ватсон? — с нескрываемым любопытством осведомился Стэмфорд, пока мы катили по запруженным лондонским улицам. — Вы загорели до черноты и исхудали как щепка.

Я вкратце описал свои приключения, что заняло почти целиком время поездки.

— Бедняга! — посочувствовал он, выслушав мой рассказ. — И какие у вас теперь планы?

— Ищу квартиру, — ответил я. — Поставил себе задачу найти за разумную цену удобное жилье.

— Странное дело, — заметил мой спутник, — в точности то же я сегодня уже слышал.

— И от кого?

— От одного знакомого, он работает в химической лаборатории при нашем госпитале. Жаловался нынче утром, что не может найти сожителя: ему

попалась премилая квартирка, но снимать ее в одиночку ему не по карману.

— Бог мой, если он действительно подыскивает компаньона, я-то ему и нужен. По мне, так вдвоем даже веселее.

Молодой Стэмфорд бросил на меня странный взгляд поверх бокала:

— Вы ведь не знакомы с Шерлоком Холмсом. Быть может, постоянное соседство с ним не придется вам по вкусу.

— Почему? Чем он плох?

— Я не говорю, что плох. Просто он немного того: страстно увлечен наукой, точнее, некоторыми науками. Насколько мне известно, он вполне приличный человек.

— Изучает медицину?

— Нет... понятия не имею, на что Холмс нацелился. Он поднаторел в анатомии и отлично знает химию, но, насколько мне известно, никогда не изучал медицину систематически. Его научные занятия причудливы и отрывисты, но он накопил такую уйму разрозненных сведений, что его профессора были бы поражены.

— А вы не спрашивали, что у него на уме?

— Нет, его нелегко вызвать на откровенность, хотя под настроение он бывает довольно разговорчив.

— Пожалуй, я не прочь свести с ним знакомство. Если придется делить с кем-то жилье, пусть это будет человек спокойный, занятый наукой. Я еще недостаточно окреп, чтобы выносить шум и треволения. Всего этого мне с лихвой хватило в Афганистане. Как встретиться с этим вашим приятелем?

— Наверняка он в лаборатории, — предположил мой спутник. — Он либо неделями там не бывает, либо сидит с утра до ночи. Если хотите, поедем туда сразу после ресторана.

— Очень хорошо, — ответил я, и разговор свернул на другие предметы.

По дороге из «Холборна» в госпиталь Стэмфорд сообщил мне новые подробности о человеке, которому я собирался предложить соседство.

— Если вы не уживетесь, меня не вините, — сказал он. — Я с ним знаком только по случайным встречам в лаборатории. Это была ваша идея, так что не обессудьте.

— Если не уживемся, то разъедемся, да и все. Сдается мне, Стэмфорд... — Я пристально взгляделся в своего спутника. — Сдается мне, вы неспроста хотите умыть руки. В чем дело? У него такой уж скверный характер? Хватит ходить вокруг да около.

— Нелегко объяснять то, что объяснению не поддается, — усмехнулся Стэмфорд. — Холмс, на мой вкус, чересчур погружен в науку — я бы сказал, до бесчувствия. Могу вообразить, как он дает какому-нибудь приятелю щепотку новейшего растительного алкалоида — без всяких недобрых намерений, единственно из желания узнать, как он действует. В его оправдание: думаю, он с готовностью поставил бы тот же опыт на себе. Похоже, у него тяга к точному знанию.

— Очень правильная тяга.

— Если не доводить ее до крайности. Она выглядит несколько странной, когда он, к примеру, избивает палкой трупы в прозекторской.

— Избивает трупы?

— Да, чтобы выяснить, могут ли у мертвых возникнуть синяки. Я собственными глазами видел его за этим делом.

— И все же — предмет его занятий не медицина?

— Нет. А что именно — одному Богу известно. Но вот мы и пришли, и скоро вы сможете составить собственное представление о моем знакомом.

Мы свернули в тесный переулок и через низкую дверцу проникли в боковое крыло обширного госпиталя. Мне все здесь было знакомо, и я не нуждался в проводнике, пока мы поднимались по мрачной каменной лестнице и шли по длинному коридору с белеными стенами и серовато-коричневыми дверями. В дальнем конце, сбоку, виднелся арочный проход в химическую лабораторию.

В обширной комнате с высоким потолком стояло рядами и валялось в беспорядке великое множество склянок. Там и сям на широких и низких столах громоздились реторты, пробирки, мерцали голубыми огнями миниатюрные горелки Бунзена. Людей не было, кроме единственного исследователя; с головой уйдя в работу, он склонился над дальним столом. Заслышав шаги, он обернулся и вскопчил с ликующим возгласом.

— Нашел, нашел! — крикнул он моему спутнику и с пробиркой в руках кинулся к нам. — Я нашел реактив, который осаждается гемоглобином и больше ничем. — На лице его сияла такая радость, словно он открыл золотую жилу.

Стэмфорд представил нас друг другу:

— Доктор Ватсон, мистер Шерлок Холмс.

— Как поживаете? — сердечно осведомился Холмс и сжал мою руку с такой силой, какой я от

него не ожидал. — Вижу, вы побывали в Афганистане.

— Как вы узнали? — поразился я.

— Не важно, — отмахнулся он, довольно посмеиваясь. — Речь не об этом, а о гемоглобине. Вы, разумеется, понимаете, насколько важно это открытие?

— Химиков, конечно, оно заинтересует, однако для практики...

— Именно: для судебно-медицинской практики это самое настоящее открытие века. Подумайте только: мы теперь сможем безошибочно распознавать кровавые пятна. Смотрите-ка сюда! — Холмс нетерпеливо подтащил меня за рукав к своему рабочему столу. — Возьмем капельку свежей крови. — Он вонзил себе в палец длинную иглу и набрал немного крови в пипетку. — Теперь я растворяю эту капельку в литре воды. Можете убедиться: вода на вид ничуть не изменилась. Доля крови в смеси не превышает одну миллионную. Однако я уверен, что мы сможем получить характерную реакцию.

Холмс кинул в сосуд несколько белых кристаллов и добавил немного прозрачной жидкости. Содержимое мгновенно окрасилось в тускло-красный цвет, на дно стеклянной банки выпал коричневатый осадок.

— Ха! — Холмс захлопал в ладоши и просиял, как ребенок при виде новой игрушки. — Ну, что вы об этом думаете?

— Похоже, это очень чувствительная методика, — заметил я.

— Отличнейшая! Прежняя — с гваяковой камедью — очень неудобная и неточная. То же относится

и к изучению частиц крови под микроскопом — это возможно только в первые часы. А мой метод действует независимо от давности пятна. Если бы его изобрели раньше, сотни преступников, гуляющих сейчас на свободе, понесли бы кару за свои злодеяния.

— А ведь и правда! — пробормотал я.

— Многие расследования зависят именно от этого обстоятельства. Человека подозревают в преступлении, совершенном не один месяц назад. На белье или одежде подозреваемого находят бурые пятна. Что это: кровь, уличная грязь, ржавчина, плодовый сок? Вопрос ставил в тупик всех экспертов, а почему? Потому что не было надежного теста. Теперь же имеется тест Шерлока Холмса и обо всех затруднениях можно забыть.

Победно сверкая глазами, Холмс прижал руку к сердцу и раскланялся в ответ на аплодисменты воображаемой толпы.

— Что ж, поздравляю, — заметил я, немало удивляясь его пылу.

— Возьмем прошлогоднее франкфуртское дело. Если бы мой тест уже существовал, фон Бишоффа наверняка бы вздернули. А Мейсон из Брэдфорда, а пресловутый Мюллер, Лефевр из Монпелье, Сэмсон из Нового Орлеана? Я могу назвать дюжину случаев, когда этот метод сказал бы решающее слово.

— Вы похожи на ходячий справочник по преступлениям, — рассмеялся Стэмфорд. — Могли бы выпускать такого рода газету. Под названием «Стародавние полицейские новости».

— Небезынтересное было бы чтение, — заметил Шерлок Холмс, заклеивая палец кусочком пластыря. — Надо остерегаться, — улыбнулся он, обращаясь ко мне, — ведь каких только ядов не перебивало у меня на столе.

На его протянутой руке я заметил множество таких же кусочков пластыря и участки кожи, обесцвеченные сильными кислотами.

— Мы пришли по делу, — сказал Стэмфорд, усаживаясь на трехногий стул и подталкивая второй ко мне. — Мой друг подыскивает себе жилье, а вы жаловались, что никак не найдете, кто бы пожелал снять квартиру на паях с вами, вот я и подумал вас свести.

Мысль о том, чтобы делить жилье со мной, видимо, привела Шерлока Холмса в восторг.

— Я приглядел квартирку на Бейкер-стрит, — сообщил он, — удобней не придумаешь. Надеюсь, вы ничего не имеете против табачной вони?

— Я и сам курю матросский табак.

— Прекрасно. Я постоянно вожусь с химикалиями, иногда ставлю опыты. Вам это будет досаждать?

— Ничуть.

— Погодите, припомню остальные свои недостатки... Временами на меня нападает хандра и я по нескольку дней ни с кем не разговариваю. Когда такое случается, не надо думать, будто я сердит. Просто не трогайте меня — и скоро это пройдет. Ну а вам есть в чем признаться? Раз мы собираемся стать компаньонами, лучше заранее узнать друг о друге самое худшее.

Этот допрос меня насмешил.

— Я держу щенка бульдога, по причине расстроенных нервов не терплю шум и гам, поздно встаю по утрам и безобразно ленив. Когда здоров, я подвержен и другим порокам, но пока что в основном обхожусь этими.

— А игру на скрипке вы относите к шуму и гаму? — встревожился Холмс.

— Зависит от исполнителя. Искусная игра — это пир богов, а вот плохая...

— А, ну тогда все в порядке. — Холмс рассмеялся. — Думаю, мы можем ударить по рукам... если, конечно, вам понравится квартира.

— Когда мы ее посмотрим?

— Встретимся здесь завтра в полдень, поедем туда и все уладим.

— Отлично... ровно в полдень.

Я пожал Холмсу руку.

Оставив его наедине с химикалиями, мы со Стэмфордом направились пешком к моей гостинице.

— Кстати... — Я остановился. — Как, во имя всего святого, он догадался, что я прибыл из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся:

— Вот этим он и отличается от остальных людей. Многие желали бы знать, как он доискивается до таких вещей.

— А, так это тайна? — воскликнул я, потирая руки. — Заинтригован! Спасибо, что свели меня с ним. Ведь, как вам известно, «предмет людской науки — человек».

— Тогда его и изучайте, — сказал Стэмфорд на прощанье. — Правда, вам с ним придется непросто. Пари держу, он уже знает о вас больше, чем вы о нем. До свиданья.

— До свиданья. — И я пошагал к гостинице, размышляя о своем новом знакомце.

Глава II НАУКА ДЕДУКЦИИ

На следующий день мы, как было условлено, встретились и осмотрели квартиру в доме 221Б по Бейкер-стрит, о которой в прошлый раз говорил Холмс. В ней оказались две удобные спальни и просторная общая гостиная с уютной мебелью и двумя широкими окнами. Жилье было во всех отношениях превосходным, арендная плата, поделенная на двоих, очень умеренной, так что сделка была заключена тут же, на месте, и мы сразу вступили во владение. Тем же вечером я привез из гостиницы свои вещи, а наутро моему примеру последовал Шерлок Холмс со своими сундуками и чемоданами. Почти два дня ушло на то, чтобы распаковать и разложить наш скарб. После этого мы начали постепенно обживаться и привыкать к новой обстановке.

Холмс оказался неплохим соседом — тихим, ведущим размеренную жизнь. Ложился он обычно не позднее десяти, завтракал и уходил на улицу, пока я еще спал. День он проводил либо в химической лаборатории, либо в прозекторской; временами совершал длительные прогулки — похоже, в наименее

респектабельные районы города. Когда на него находил стих, он работал как проклятый, но иногда наступала реакция, и он целыми днями лежал на диване в гостиной, не говоря ни слова и не шевелясь. В таких случаях взгляд моего соседа делался мутным и отсутствующим, и я бы заподозрил его в употреблении какого-то наркотика, если бы не знал, насколько умеренную, безупречную жизнь он ведет.

Неделя шла за неделей, а меня все больше донимало любопытство — хотелось узнать, что за человек мой компаньон и каковы его жизненные цели. Даже его внешний вид сразу привлекал к себе внимание. Ростом он превышал шесть футов, а из-за редкостной худобы казался еще выше. Взгляд острый, пронизывающий (за исключением описанных выше периодов апатии); нос тонкий, ястребиный, что делало облик Холмса еще более настороженным и целеустремленным. Подбородок, выдающийся и квадратный, также обличал человека решительного. Руки, вечно в пятнах от чернил и химикалий, тем не менее были способны к движениям самым нежным и аккуратным — я заметил это, наблюдая, как Холмс обращается с хрупкими принадлежностями при натурфилософских опытах.

Читатель заклеит меня как любителя совать нос в чужие дела, если я признаюсь, насколько овладело мной любопытство, как часто пытался я сорвать завесу молчания, за которой Холмс скрывал все, что касалось его личных обстоятельств. И все же, прежде чем судить, подумайте о том, насколько тусклой была моя жизнь и как приходилось хва-

таться за все, способное ее расцветить. По слабости здоровья я почти все время сидел дома, позволяя себе выходить на улицу только в самую хорошую погоду, и это монотонное существование не оживлялось ни одним дружеским визитом. Стоит ли удивляться поэтому, что я с жадной заинтересованностью взялся разгадывать тайну, окружавшую моего компаньона, и этому занятию посвятил немало времени.

Нет, Холмс не изучал медицину. Он сам, в ответ на какой-то случайный вопрос, подтвердил слова Стэмфорда. Осваивал ли он какой-либо курс наук, дабы получить ученое звание и обеспечить себе положение в научном мире? Нет, на это ничто не указывало. В то же время он проявлял большое усердие в занятиях и приобрел настолько полные и детальные познания в очень причудливом круге областей, что оставалось только поражаться. Затрачивать такие усилия, накапливать такие точные сведения и при этом не иметь в виду определенной цели? Случайный студент не станет вдаваться в подобные детали. Чтобы обременять ими свой мозг, нужны особые, веские резоны.

Не менее, чем его познания, поражала его неосведомленность. О современной литературе, философии, политике Холмс, похоже, не знал почти ничего. Однажды я процитировал Томаса Карлейля, и Холмс пренаивно осведомился, кто это такой и чем прославился. Но еще больше я удивился, когда обнаружил случайно, что Холмс не знаком с учением Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Чтобы цивилизованный чело-

век в девятнадцатом веке не знал, что Земля вращается вокруг Солнца, — такое просто не укладывалось у меня в голове.

— Похоже, я вас изумил, — улыбнулся Холмс, взглянув на мою вытянувшуюся физиономию. — Но теперь вы меня просветили, и я постараюсь быстрее выбросить эти сведения из головы.

— Выбросить из головы?

— Видите ли, — объяснил Холмс, — по-моему, мозг человека похож на пустой чердачок, который вы обставляете по своему желанию. Дурак тащит туда весь хлам, что попадет под руку, так что для нужных вещей не остается места или, в лучшем случае, их трудно найти в этой куче. А толковый профессионал очень тщательно отбирает то, что будет хранить на своем чердаке. Ему не нужно ничего, кроме того, что пригодится в работе, но такие вещи он запасаает в большом разнообразии и содержит в идеальном порядке. Ошибется тот, кто подумает, будто стены у чердака эластичные и вместимость безграничная. Поверьте, со временем обнаруживаешь, что, если требуется место для новых знаний, надо забыть что-то из старых. А следовательно, важно, чтобы бесполезные знания не вытесняли полезные.

— Но Солнечная система! — запротестовал я.

— А что мне от нее проку? — нетерпеливо прервал меня Холмс. — Вы говорите, Земля вращается вокруг Солнца. С тем же успехом она могла бы вращаться вокруг Луны — на моей работе это никак не скажется.

Я чуть не спросил, в чем же состоит его работа, но, сам не зная почему, решил, что вопрос будет

нежелателен. Тем не менее наша краткая беседа за- села у меня в сознании, и я принялся гадать. Холмс сказал, что не накапливает ненужных знаний. Следовательно, все его знания относятся к нужным. Я мысленно перечислил все научные области, относительно которых Холмс выказал обширную осведомленность. Я даже взял карандаш и составил перечень, а завершив запись, невольно улыбнулся. Она выглядела так:

Шерлок Холмс. Познания

- 1. Литература — никаких.*
- 2. Философия — никаких.*
- 3. Астрономия — никаких.*
- 4. Политика — скудные.*
- 5. Ботаника — отрывочные. Хорошо осведомлен относительно белладонны, опиума и ядов вообще. Ничего не знает о садоводстве.*
- 6. Геология — сведения в узкой практической области. С одного взгляда опознает различные виды почв. После прогулки, беседуя со мной, по цвету и консистенции пятен определил, в какой части Лондона забрызгал себе брюки.*
- 7. Химия — глубокие.*
- 8. Анатомия — точные, но не систематические.*
- 9. Сенсационная литература — обширнейшие. Похоже, он помнит все подробности всех совершенных в нашем веке злодеяний.*
- 10. Хорошо играет на скрипке.*
- 11. Мастерски владеет стальной и деревянной рапирой, боксирует.*
- 12. Обширные практические познания в области британского права.*

Дойдя до этого пункта, я отчаялся и бросил перечь в камин.

«Выходит, — сказал я себе, — пока не станет ясно, что связывает между собой эти навыки и в каком ремесле все они потребны, я не пойму, чему он намерен себя посвятить? Коли так, то лучше и не пытаться».

Я упомянул, что Холмс искусно играл на скрипке, но, как и в прочих своих талантах, не обходился без причуд. Он с легкостью исполнял известные произведения, причем сложные, — в этом я убедился, потому что сам просил его сыграть «Lieder»¹ Мендельсона и другие любимые пьесы. Однако, когда Холмс бывал предоставлен сам себе, его игра не походила на музыку; в ней не прослеживалось даже подобия связной мелодии. Вечером, откинувшись на спинку кресла, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по скрипке, которая лежала у него на коленях. В пении струн слышались то грусть, то прихотливое веселье. Несомненно, оно отражало владевшие Холмсом мысли, но была ли его игра подспорьем мыслям или просто причудой воображения, оставалось только гадать. Я мог бы восстать против этих жутких соло, но обычно, как небольшая награда за мое терпение, концерт завершала череда моих любимых мелодий.

В первую неделю к нам никто не приходил, и я начал думать, что мой компаньон такой же одинокий человек, как я сам. Вскоре, однако, я убедился, что знакомства его обширны и распространяются на самые различные круги общества. Захаживал,

---

¹ «Песни» (нем.).

раза по три-четыре в неделю, маленький человек с желтоватой крысиной мордочкой и темными глазками; он был представлен как мистер Лестрейд. Однажды утром явилась молоденькая, модно одетая девица и пробыла больше получаса. Ближе к вечеру случился еще один визитер, седой, в поношенном платье, похожий на еврея-разносчика и очень, как мне показалось, взволнованный; сразу после пришла пожилая, неряшливо одетая женщина. В другой раз мой компаньон имел беседу с седовласым стариком, далее — со станционным носильщиком в вельветиновой униформе. При появлении очередного посетителя (мне никак не удавалось понять, что же у них общего) Холмс обыкновенно просил предоставить ему гостиную, и я удалялся к себе в спальню. Он каждый раз извинялся за доставленные неудобства. «Приходится использовать гостиную в качестве приемной, — говорил он. — Эти люди — мои клиенты». Можно было бы воспользоваться случаем и напрямую задать вопрос, но я был слишком деликатен, чтобы вынуждать своего соседа к откровенности. В то время я подозревал, что у Холмса есть серьезные причины избегать этой темы, но вскоре он сам завел о ней разговор.

Это было четвертого марта (дату я запомнил неспроста). Я поднялся с постели немного раньше обычного и застал Шерлока Холмса в гостиной за завтраком. Хозяйка, привыкшая к тому, что я поздняя пташка, еще не поставила для меня приборы и не приготовила кофе. Поддавшись, как это свойственно мужчинам, капризной раздражительности, я позвонил в колокольчик и кратко сообщил, что

жду. Взяв со стола журнал, я попытался скоротать время за чтением, меж тем как мой компаньон молча жевал тост. Один из заголовков был подчеркнут карандашом, и я, естественно, начал именно с этой статьи.

Называлась она — ни много ни мало — «Книга жизни», и автор объяснял, сколь многое узнает внимательный наблюдатель, пристально изучающий все, что попадаете ему на глаза. Остроумные замечания чередовались в статье с нелепостями. Из убедительных рассуждений делались преувеличенные, чересчур далеко идущие выводы. Автор утверждал, будто по мимолетной гримасе, дернувшемуся мускулу или косому взгляду можно отгадать тайные мысли человека. Из статьи следовало, что невозможно обмануть того, кто приучен наблюдать и анализировать. Заключение такого наблюдателя так же непогрешимы, как теоремы Евклида. Непосвященные дивятся его пронизательности и готовы признать в нем колдуна, пока не узнают, каким путем он пришел к своим выводам.

«Человек, освоивший логику, способен, глядя на каплю воды, вывести возможность существования Атлантического океана или尼亚гары, даже если никогда их не видел и даже не слышал о них. Бытие представляет собой гигантскую цепь, и по одному ее звену можно судить о целом. Как все прочие премудрости, наука Дедукции и Анализа требует длительного, терпеливого изучения; человеческой жизни не хватит, чтобы овладеть ею в совершенстве. Моральные и ментальные ее аспекты, представляющие наибольшую трудность, исследователю лучше

оставить напоследок, а для начала избрать себе задачи поскромнее. Пусть научится хотя бы, бегло оглядев своего ближнего, распознавать, как он жил раньше и чем занимается теперь. Это упражнение покажется пустячным, однако оно развивает наблюдательность и учит, на что нужно обращать внимание. Ногти, рукава, обувь, коленки брюк, мозоли на указательном и большом пальце, манжеты, выражение лица — все это поможет безошибочно назвать профессию человека. Трудно себе представить, чтобы знающий исследователь, опираясь на все эти данные, не сделал однозначного заключения».

— Что за дикая чепуха! — Я швырнул журнал на стол. — В жизни не читал такого бреда.

— Вы о чем? — спросил Холмс.

— Да вот об этой статье. — Я указал нужное место ложечкой для яйца, поскольку завтрак уже подоспел. — Вижу, вы ее поместили, значит уже читали. Изложено живо, ничего не скажешь. Но читаешь — и злость берет. Не иначе как эту теорию сочинил какой-то досужий бумагомарака, который в тиши своего кабинета изобретает изыщные парадоксы. Для практики это непригодно. Вот бы посадить его в вагон третьего класса в подземке, и пусть попробует угадать ремесло всех своих попутчиков. Ставлю тысячу против одного, что его постигнет фиаско.

— Вы потеряете свои деньги, — хладнокровно заметил Холмс. — Что до статьи, то ее написал я.

— Вы?

— Да; наблюдения и дедукция — как раз то, что меня интересуется. А теории, которые я описал и кото-

рые показались вам химерами, на самом деле вполне утилитарны — утилитарны настолько, что с их помощью я зарабатываю себе на хлеб.

— Каким же образом? — вырвался у меня вопрос.

— Ну, я занимаюсь соответствующим ремеслом. Полагаю, во всем мире я единственный. Я сыщик-консультант — надеюсь, вы поняли, что это такое. Здесь, в Лондоне, не перечесать как полицейских сыщиков, так и частных. Когда им случается зайти в тупик, они обращаются ко мне и я навожу их на след. Они излагают мне все данные, и обычно я, благодаря знакомству с анналами преступлений, подсказываю отгадку. Злодеяния схожи между собой, и если вы подробно изучили тысячу из них, то с легкостью распутаете тысячу первое. Лестрейд — очень известный сыщик. Недавно он столкнулся с трудным делом о подлоге, и это привело его сюда.

— А другие посетители?

— Большинство присланы частными сыскными агентствами. Каждый попал в ту или иную неприятную историю и нуждается в совете. Я выслушиваю рассказ клиента, он выслушивает мои сообщения, а потом я кладу в карман гонорар.

— И вы хотите сказать, что можете, не выходя из дома, распутать узел, с которым не справились другие, хотя имели в руках все нити?

— Именно так. У меня особая интуиция. Время от времени попадаются дела несколько сложнее прочих. Тогда приходится напрячься и самому собрать свидетельства. Видите ли, я накопил большой объем специальных знаний, которые сущест-

венно упрощают мою работу. Те самые принципы дедукции, которые вызвали у вас скептическую насмешку, в моей практической деятельности просто неоченимы. Привычка наблюдать сделалась моей второй натурой. Вы как будто удивились, когда я при знакомстве сказал, что вы были в Афганистане.

— Вы, конечно, это от кого-то слышали.

— Ничего подобного. Я *знал*, что вы были в Афганистане. Благодаря долгой практике мои мысли так ускорились, что я прихожу к заключению мгновенно, не отдавая себе отчет в промежуточных ступенях. Но это не значит, что их не было. Я рассуждал так: «Вот джентльмен, по типу медик, но похож и на военного. Ясно, армейский врач. Недавно из жарких краев: лицо смуглое, но от загара, а не от природы, потому что запястья светлые. Судя по изможденному лицу, перенес лишения и болезнь. Левая рука ранена. Движения ее неестественные, скованные. В какой из тропических стран на долю английского армейского врача могли выпасть такие беды? Конечно, в Афганистане». Эти рассуждения не заняли и секунды. Далее я заметил, что вы прибыли из Афганистана, чем немало вас удивил.

— Тепер, когда вы объяснили, я понимаю, что это довольно просто, — улыбнулся я. — Вы напомнили мне Дюпена — героя Эдгара Аллана По. Я думал, такие персонажи бывают только в книгах.

Шерлок Холмс поднялся на ноги и закурил трубку.

— Вы, конечно, полагаете, что сравнение с Дюпеном мне льстит. Нет, на мой вкус, Дюпен — сы-

щик отнюдь не самого высокого пошиба. Да, его трюк, когда он после пятнадцатиминутного молчания откликается на невысказанные мысли собеседника, по-своему эффектен. В аналитическом уме ему не откажешь, но он вовсе не был таким уникалом, каким его, видимо, считал По.

— А книги Габорио вы читали? Может быть, Лекок отвечает вашим представлениям о том, каков должен быть настоящий сыщик?

Шерлок Холмс сардонически хмыкнул.

— Лекок — жалкий неумеха, — раздраженно бросил он. — Единственное его достоинство — это энергия. Мне было тошно читать этот роман. Задача состояла в том, чтобы установить личность неизвестного заключенного. Мне хватило бы суток, Лекок возился около полугода. По книге Габорио можно учиться тому, как не нужно вести расследование.

Меня несколько задело, что Холмс так лихо обошелся с двумя литературными героями, которыми я восхищался. Я отошел к окну и стал наблюдать за снующей по улице толпой. «Может, он и неглуп, — сказал я себе, — но заносчив не в меру».

— Выродились в наши дни и преступники, и преступления, — проворчал Холмс. — Что толку от мозгов, если их не к чему приложить? Я знаю, что мог бы прославить свое имя. За всю историю никто не накопил столько знаний и не обладает моим детективным талантом. И что в итоге? Мне нечего расследовать, правонарушители настолько беспомощны, а оставленные ими улики настолько красноречивы, что даже Скотленд-Ярд не затрудняется с раскрытием дел.

Меня по-прежнему раздражал его самонадеянный тон, и я решил сменить тему.

— Интересно, что нужно этому типу? — спросил я, указывая на скромно одетого крепыша, который медленно шел по противоположной стороне улицы и неуверенно всматривался в номера домов. В руке он держал голубой конверт, который, по всей вероятности, должен был доставить адресату.

— Вы об отставном флотском сержанте? — спросил Холмс.

«Пукает пыль в глаза! — подумал я про себя. — Знает, что я не могу его проверить».

В тот же миг человек, которого мы рассматривали, увидел номер на нашей двери и быстро перебежал дорогу. Послышались громкий стук, низкий голос в прихожей, тяжелые шаги по лестнице.

— Мистеру Шерлоку Холмсу, — проговорил посланец, переступая порог и вручая моему приятелю письмо.

Теперь можно было сбить с него спесь. Холмс на это не рассчитывал, высказывая наобум свое предположение.

— Любезный, можно поинтересоваться, чем вы зарабатываете на жизнь? — как бы между прочим осведомился я.

— Работаю посыльным, сэр, — хмуро отозвался он. — Униформа в починке.

— А до этого чем занимались? — Я злорадно покосился на своего компаньона.

— Служил сержантом, сэр; в Королевской морской пехоте, сэр. Ответа не будет? Хорошо, сэр.

Посыльный щелкнул каблуками, отсалютовал нам и вышел.

Глава III

ЗАГАДКА ЛОРИСТОН-ГАРДЕНЗ

Признаюсь, я был поражен, когда еще раз убедился в том, что теории моего компаньона применимы на практике. Я преисполнился уважения к его аналитическому уму. И все же меня не оставляло подозрение, что весь этот эпизод был подготовлен заранее. Холмс желал меня поразить — но, бога ради, с какой целью? Холмс дочитал записку и смотрел пустым, тусклым взглядом, свидетельствовавшим о том, что он ушел в свои мысли.

— Как же вы все-таки догадались? — спросил я.

— О чем? — буркнул он.

— О том, что этот человек — отставной флотский сержант.

— У меня нет времени на эту ерунду, — отрезал он, но тут же с улыбкой добавил: — Простите мою грубость. Я из-за вас потерял мысль, но ладно, не важно. Вы действительно не распознали, что наш посетитель — из бывших военных моряков?

— Действительно.

— Догадаться было проще, чем теперь объяснить. Если вас попросят доказать, что дважды два четыре, вам это может показаться затруднительным, притом что в самом факте вы совершенно уверены. Даже через улицу я разглядел его татуировку — большой синий якорь на тыльной стороне ладони. Это наводит на мысли о море. Между тем — военная выправка, уставные бакенбарды. Стало быть, военно-морской флот. Держался этот человек с достоинством, видно было, что привык командовать. Обратили внимание, как высоко он

держал голову, как помахивал тростью? Степенный, респектабельный, средних лет — все факты говорили, что это сержант.

— Чудеса! — воскликнул я.

— Обычное дело, — бросил в ответ Холмс, хотя по его лицу я заметил, что мое восторженное удивление ему нравится. — Недавно я сказал, что преступники выродились. Похоже, я был не прав — глядите!

Он перебрал мне записку, принесенную посылным. Пробежав ее, я воскликнул:

— Какой ужас!

— Кажется, случай не совсем обычный, — заметил Холмс хладнокровно. — Не будете ли вы любезны прочесть это вслух?

И вот что я прочитал:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс, этой ночью в доме номер 3 по Лористон-Гарденз, близ Брикстон-роуд, случилась скверная история. Примерно в два часа наш постовой заметил там свет и, поскольку дом необитаем, заподозрил недоброе. Дверь была открыта, в пустой парадной комнате лежало тело. Это был хорошо одетый джентльмен; на визитных карточках, найденных в кармане, значилось: „Енох Дж. Дреббер, Кливленд, Огайо, США“. Признаки грабежа отсутствовали, обстоятельства смерти оставались непонятны. В комнате имелись следы крови, но тело погибшего было не тронуто. Мы не понимаем, как он попал в пустой дом, да и все это дело для нас полнейшая загадка. Если вы сочтете возможным до полудня явиться по указанному адресу, то найдете меня там. Пока вы не дадите

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Перевод Л. Бриловой

Предисловие издателей	7
Доктор Джозеф Белл. «Мистер Шерлок Холмс»	9

ЧАСТЬ I

*(Из воспоминаний доктора медицины Джона Х. Ватсона,
бывшего хирурга Военно-медицинского управления)*

Глава I. Мистер Шерлок Холмс	17
Глава II. Наука дедукции	27
Глава III. Загадка Лористон-Гарденз	40
Глава IV. Что рассказал Джон Ранс	53
Глава V. По нашему объявлению приходит посетитель .	62
Глава VI. Тобайас Грегсон показывает, на что способен ..	70
Глава VII. Свет во тьме	82

ЧАСТЬ II

Страна Святых

Глава I. На великой солончаковой равнине	94
Глава II. Цветок Юты	106
Глава III. Джон Феррьер разговаривает с Пророком ...	114
Глава IV. Бегство	120
Глава V. «Ангелы мщения»	132
Глава VI. Продолжение воспоминаний Джона Ватсона, доктора медицины	143
Глава VII. Заключение	157

ДОЛИНА СТРАХА

ЧАСТЬ I

Берлстоунская трагедия

Перевод Л. Бриловой

Глава I. Предостережение	167
Глава II. Шерлок Холмс рассуждает	178
Глава III. Берлстоунская трагедия	189
Глава IV. Тьма	201
Глава V. Персонажи трагедии	215
Глава VI. Проблески рассвета	230
Глава VII. Разгадка	246

ЧАСТЬ II

Чистильщики

Перевод С. Сухарева

Глава I. Тот самый	266
Глава II. Мастер ложи	277
Глава III. Ложа 341, Вермисса	299
Глава IV. Долина Страха	320
Глава V. Мрачнее некуда	333
Глава VI. Угроза	350
Глава VII. Ловушка для Берди Эдвардса	362
Эпилог	375